

№ 4—5 „ИЗДАНИЕ РАБОЧЕГО КРАЯ“ 1924 г.

Красные писанки, которые катают в странах капиталистов.

Милитаризм
Локаут
Осадное положение
Дороговизна
11 часовой рабочий день
Уменьшение заработной платы

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Поп. — В этом году хорошо воскрес! Придется телегу нанимать.

Опечатка.

Работать не хочется.

Пойдет ли на ум работа, когда в окно уперлось вешнее солнце, грачи на березах галдят, воробьи на карнизах трещат?

— Который час, Илья Ильич?— спрашивает счетовод Печкин счетовода Свеклова.

— Я же сказал, без четверти два,—морщится счетовод Свеклов.

В комнате душно, накурено, пол в чернилах и даже на стене чернила. Пятеро сидят за стенами, тоже залитыми, и нетерпеливо ожидают конца занятий.

— Рамы надо бы выставить,— цедит сквозь зубы помощник бухгалтера Птахин, отрываясь от толстой книги с цифрами, которая перед ним вверх ногами.

— Давно следовало, — подтверждает деловод Золотов, рисуя цветочки на деле № 71.

Машинистка Анна Петровна в уголке, как и полагается всем машинисткам. Опершись щекой на ладонь, она мечтательно смотрит за окно. На груди фиалка, в волосах тоже фиалка. Печкин, Свеклов и Птахин смотрят мечтательно на машинистку.

— Завтра на охоту пойду,—сообщает Золотов.—Чу, тетерева здорово токуют.

Такое время,—вздыхает Печкин, оправляя сиреневый галстух, завязанный широким бантом.—Анна Петровна, где вы достали фиалки?

— А какое вам, собственно, дело до чужих фиалок?—Хмурится помощник бухгалтера.

— Николай Петрович подарил,— говорит машинистка равнодушно.

Помощник бухгалтера густо краснеет и сердито шевелит пушистыми усами.

— Собственно, я не подарил, а так... куда мне фиалки? нервно говорит Птахин.

— Совершенно правильно,—ехидно улыбается Свеклов.—Анна Петровна может украсить свою прическу, а Николай Петрович лишен такого удовольствия.

Лысина помощника бухгалтера багровеет. Обварив счетовода гневным взглядом, он сухо спрашивает:

— Позвольте, а мартовский отчет готов?

— Готовлю,—отвечает счетовод, хватаясь за карандаш.

Счетовод Печкин берется за перо. Через минуту в комнате щелкают костяшки счет.

— Анна Петровна, на минуточку!— зовет помощник бухгалтера.

Машинистка лениво идет к его столу. Печкин и Свеклов тревожно смотрят в их сторону. Счеты сразу умолкают.

— Вот здесь вы напечатали «бюждет», а надо «бюджет»,—показывает пальцем помощник бухгалтера.—А вот здесь напечатано...

— Это можно пером исправить,— вступается Печкин.

— Я не с вами говорю,—обрезает круто Птахин.—Делайте свое дело.

— Пожалуйста не кричите на меня,—обижается Печкин.—Я не какой нибудь мальчик.

— Ну, большим тоже не могу вас назвать,—разводит руками помощник бухгалтера.—Хоть бы усы что ли приличные были, а то какое то недоразумение.

— А ежели я брею усы?—вспыхивает Печкин.

— Потому и бреете, что не растут. Кабы росли усы, неизвестно, как бы вы с ними поступили.

Печкин сражен и молчит. Помощник бухгалтера очень довольный таким оборотом спора, обращается к машинистке шопотом:

— Вы ко всенощной сегодня идете?

— Гм, кхы, кха,—нервно кашляет Свеклов.

— Кмы, гмы, кхы,—нервно кашляет Печкин, закуривая папиросу трясущимися от негодования руками.

— Сначала в баню схожу, а потом патроны буду готовить,—вслух мечтал бородатый деловод.—Который час, Илья Ильич?

Тыча пальцем в чистый лист бумаги, помощник бухгалтера шепчет машинистке:

— Вот здесь вы напечатали «депифзит», а надо «дефицит»... вы какие духи предпочитаете, Анна Петровна?..

В четыре часа две минуты на улицу выходят; машинистка, справа и слева счетоводы, назади помощник бухгалтера. С ближнего угла навстречу барышне устремляется юноша в зеленых брюках и студенческой фуражке.

— До свиданья, — об'являет машинистка сослуживцам и быстро покидает их, под руку с новым кавалером.

Трое смотрят ей вслед, вытараща глаза.

— Вот тебе и «бюджет»,— тоненько присвиснув, говорит счетовод Печкин.

— Пойдемте в трактир,— вдруг решает помощник бухгалтера.

Кв. Кубов.

Птичий разговор.

Отощавший в продолжительной дороге грач вежливо приподнял рыжую потертую шляпу и сказал вороне в новом пальто:

— Крарк, здраствуйте!.

— Мое почтение,—приветливо ответила ворона.—В наши края прибыли?

— Дым отечества, знаете ли,—вздохнул грач.—В гостях хорошо, дома лучше.

— Совершенно правильно,—согласилась ворона, закурила душистую папиросу и протянула золотой портсигар:—не угодно ли?

— С удовольствием... Признаться, в дороге издержался. Позвольте представиться,—Петр Петрович Петров. Беспартийный.

— Очень приятно, — осклабилась ворона.—Иван Иваныч Иванов, Беспартийный.

— О-о-очень приятно.

— Оч-чень, оч-чень приятно.

Птицы крепко пожали один другому руки.

— С дороги бутылочку не желаете?—предложила ворона. — В отношеньи расходов не беспокойтесь. У меня спецставка, командировочные, суточные, сдельные, сверхурочные, премиальные.

— Набегает? — учтиво улыбнулся грач.

— Живем помаленьку, поднимаем промышленность....

— Хе-хе-хе,—засмеялся грач.

— Хе-хе-хе,—засмеялась ворона.—Что-ж, выпьем для встречи?

— Пожалуй, не прочь.

— Извозчик,—каркнула ворона.

— На своих долетим, лишний расход-с,—сконфузился грач.

— Извинике, одышка! Разучился летать.

— В трактир прикажете? - спросил извозчик.

— Куда же кроме? — изумилась ворона.—Наша дорога известная.

Сели, поехали, приехали.

* * *

— Того, этого и вот этого,—распорядилась ворона, подмигивая служащему.

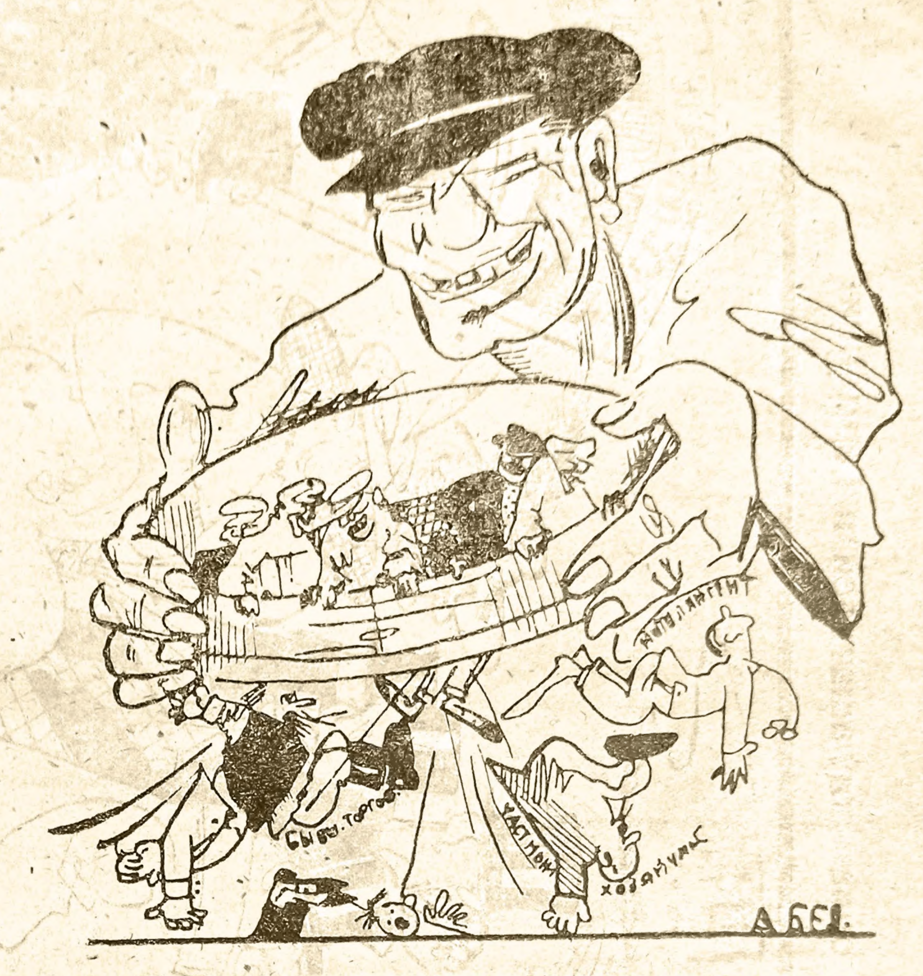
Через пять минут чокнулись, выпили, закусили.

— Бесподобно, — крякнул грач.—Давно не знал такого удовольствия.

— Не торгуют **там**?—спросила ворона.

Видете-ли, торгуют—к о н е ч н о, только нашему брату белоносым редко подносят.—Чу, обедняли мы и, значит, не нужны больше.

Партийная чистка.

— Сор летит, а хорошее зерно в решете остается.

— Трудно жилось?

— Тяжело,—вздохнул грач.—В начале разное имущество было, ну, ничего себе, жили. Крейсера с пароходами, например, очень хорошо поддержали. Крейсерами года полтора питались. Ну, кредитовали потом некоторое время. А теперь и кредита нет.

— За людей не признают?—горько усмехнулась ворона.

— Не признают, — горько вздохнул грач.

— Ваше здоровье!

Покорнейше благодарю.

Чокнулись, выпили, закусили.

— Как же дальше?—спросила ворона.—Никаких надежд?

— Ничего не знаю,—растопырил руки грач.—Ну, а вы как?

— Служу, — каркнула ворона и весело прищурилась.—Два треста в трубу выпустили, на третьем засыпались.

— Ну, и что? Строго?

— Мне удалось калькульнуть, прочие сидят. Теперь большие строгости пошли. Ухо востро надо.

— А в отношеньи местишка нельзя похлопотать?—спросил грач упавшим голосом.

— Устроим, — успокоила ворона.—Вы по какой специальности?

— В земстве служил, радикалом был.

— Ну, и отлично, значит—в отдел снабжения. Самое радикальное место.

— Говорят, через какую то биржу надо,—напомнил грач.

— Пустяки! — зевнула ворона.—Обойдемся без биржи.

— Покорнейше вас благодарю,—прослезился грач. — Можно сказать, сразу видать благородную птицу.

* * *

Покачиваясь, птицы вышли на улицу. Ворона щелкнула крышкой золотых часов.

— Половина второго. На службу пора. Ну-с, до встречи.

— Адью-с.

— Оревуар.

Грач пошел направо. Ворона свернула за угол налево и каркнула.

— Извозчик, на службу!

Квадрат Кубов.

Первомайская манифестация социал-соглашателей в Германии.

Карьера.

Дьякон с. Лежнева Цветков публично объявил, что он не желает более обманывать народ и снимает сан. Через несколько недель дьякон Цветков был посвящен во священники в с. Лежнево.

На столе весело кипел самовар. Соблазнительно выглядывали жареные пироги. Подрумяненный картофель, политый сметаной. Любимый завтрак о. дьякона еще шипел на горячей сковородке. За самоваром сидела сдобная дьяконица, поджидая прихода дьякона из церкви.

Каждый раз, приходя из церкви, дьякон видел эту картину. Он потирал от умиления руки, целовал дьяконицу в пухлую щеку и выкладывал на стол содержание своих необъятных карманов.

Тут были просфоры, пряники, крендели,—дьякон называл это понихидницами.

В этот раз он пришел мрачнее тучи и молча начал ходить из угла в угол, против обыкновения не поздравив жену с праздником.

Дьяконица встревожилась.

— Садись, отец, простынет.

— Отстань, до чаев тут!

— Ай что случилось?

— Случилось?! Давно случается. Терпел, молчал, а ныне чаша терпения моего переполнилась.

— Да что? Говори толком!

— Время-то какое у нас? Великий пост! Ведь сенокосом это время мы прежде называли! На этой неделе исповедников 500 бывало—Крестопоклонная неделя-то! Посчитай: попу за исповедь, мне за правило, дьякону за запись, да за причастье, да просвирки,—по пятьалтынному на рыло—75 рублей! А нонеча 9 исповедников, да и те старухи,—два целковых на весь причет церковный. Эх!

Дьякон глубоко вздохнул и с остервенением принялся за картофель. Дьяконица понурила голову.

— Когда, наконец, Господь покарает этих коммунистов окаянных?—воскликнула она.

— Да, жди! Дождешься кукиша с маслом. Шесть годов карает, а они и в ус себе не дуют,—ответил сумрачно дьякон.

После завтрака по давней привычке о. дьякон лег отдохнуть, но заснут не мог,—он думал, как увеличить доходы и придумать ничего не мог.

— Устраиваются же люди,—думал он.—Вон Симоновский о. Федот. Прихожане перестали в церковь ходить, он снял сан и теперь в губернии младшим делопроизводителем, глядишь в старшие пролезет, а там и до заведующего недалеко. Опять Осиновский дьячек подлизальский,—без образования, в полиции, говорят, служил, а председателем Исполкома был и теперь учителем, а я как-никак в духовном учился.

Да, не иначе! решил дьякон.

— Мать! Олимпиада, ножницы!—загремел его бас по дому.

Со всех ног вбежала дьяконица с ножницами.

— Стриги,—указал он на свою голову.

— Што-ты? Окстись! Ишь, какое дело задумал.

— Стриги, говорю!

— Да што-ты отец? Што люди то скажут? Ведь протопопица кланяться со мной не будет.

— Стриги, стриги, коли жрать хочешь!

Роняя слезы дьякону за шею, дьяконица дрожащими руками срезала волосы дьякону.

— Как древле Далила Самсону,—шутил дьякон, полный надежд.

Через минуту дьякон сидел за столом и писал,—подолгу обдумывая каждое слово и припоминая выражения, слышанные им на религиозном диспуте.

«Ясно осознавая; что религия есть опиум и дурман, не хочу более обманывать себя и других и снимаю сан. Аминь».

Через неделю дьякон бегал по комнате, потрясая в руках газетой, где красовалось его послание.

— Олимпиада, достань из сундука венчальную тройку и пальто, благо сохранились на случай.

Скоро дьякон в гражданском платье, которое было ему узко и трещало по всем швам, шествовал в Исполком.

— Вам что угодно? встретил его секретарь и тут же расхохотался.

— Ба, да это о. дьякон! Вас и не узнать. Что это у вас за форма, обновленческая или живоцерковная?

— Нечего смеяться, молодой человек, я такой же гражданин, как и иные прочие, да может быть и выше,—жертву принес, вот,—и он показал газету.

— Доложите председателю,—по личному делу.

— Идите так, у нас без доклада.

Дьякон просунул голову в кабинет председателя и постепенно втиснулся всей своей громоздкой фигурой.

— До Вашей милости, проговорил он, низко кланяясь.

— Что еще за милость? Здесь не Собес. Что надо?

— Так что снял сан и хотел бы принести свои силы на алтарь служения рабоче-крестьянскому народу.

— Так-так, нам нужны грамотные люди. Только знаете поговорку: «хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все тоже». Да... гм... Испытать вас надо.

— Пожалуста! Я подготовился,—азбуку коммунизма проштудировал. Имею понятие...

— Э! Что там понятие? Мало понимать, надо уметь работать.

Идите в Биржу Труда, там вас запишут.

— Ваша профессия? Спросили его на бирже.

— Я собственно...в духовном учился, могу интеллигентный труд, по продовольствию вот то-же...

— Документы о стаже есть?

— Собственно... Гм. Гм. Нет.

— Ну, мы вас в разнорабочие запишем. Вот сегодня есть требование,—очистка навоза с площади. Удобно?

Дьякон, как ошпаренный выкатился с биржи.

Долго он совещался с дьяконицей и решил: отростить волосы и отправиться с повинной к архиерею. Недели через три дьякон с корзиной яиц в одной руке и горшком масла в другой, трепеща, предстал перед архиереем. Сурово встретил его преосвященный и долго говорил на тему о заблудшей овце, а сам думал:

— Утру нос еретикам. Вот, де, ушел и опять пришел.

Наконец архиерей переложил гнев на милость. Принял масло и яйца и сказал:

— Как отец в Христовой притче возрадовался возвращению блудного сына и возлюбил его более, так и я радуюсь твоему раскаянию. Завтра я посвящу тебя в иереи.

— Владыко святой!—воскликнул дьякон, падая на колени.—У жены еще три горшка масла спрятано. Не откажитесь принять.

А. Гриб.

Два праздника.

Палят, трезвонят.. Но угрюмо
Встречает пасху красный ткач.
В его глазах—большая дума:
«Сегодня—праздник толстосума,
Сегодня весел лишь нэпач.

«Гуляй, разъевшийся лабазник!
Пируй, раскормленный торгаш!
Ваш праздник—
Не рабочий праздник
И никогда не будет наш!
«Он для попов, купцов и прочих,
Кто слепо верит в ад и рай.
Наш праздник—торжество рабочих,
Наш красный праздник—
Первомай!
«Вы тянете:
— «Христос воскресе»..
Наш праздник весел.
Он нам дал
Любимую из наших песен—
Наш гимн—
— Интернационал!
«Придет погибель глупой вере
В богов—и праздник ваш умрет.
Наш праздник
К лучезарной эре
Народ рабочий
Приведет?!.

С Челноков.

Праздничная блокада.

Пьяный—Настроили, черти! Всю дачку на этой улице расплескал.

Праздничное.

В одиннадцать часов пьют чай, семья дяди Терентия пять человек и гостей четверо. Едят кислый пирог, начиненный луком с огурцами солеными, студнем, потом пироги пресные...

Терентий в добродушии легко тянет, глядя на стол.

— Все бы ничего, да пшениснинтева не ватает—так бы и поел. Вон, говорят, фабричны пшенисну то покупают... Выпить мало тоже достал. Вчера ходил-просил у суседа аппаратика, хотел накапать для праздника четвертицу—не дал, харя песова. Тот придет, говорит, другой придет, будешь болтаться, засыпаться можно, потом накашляшься.

Едят с аппетитом и лениво тянут разговор во всем друг с другом соглашаясь, еле-еле зацепляя слово за слово.

На стенах засиженные мухами и запыленные картины, не разберешь что, по всем признакам бои в царскую войну; картина страшного суда у икон, выцветшие фотографические карточки с бородатыми солдатами и небольшой портрет Ленина—сын повесил.

Наевшийся и размякший шурин, небольщой мужичек, говорун, считающий себя хорошим знатоком священного писания, с сыном Терентия Серегой, румяным здоровым парнем, заводит спор о боге.

— Бог и говорит тоды Адаму и Яве. Вы, ребяты, ефти яблоки не ешьте. А Ява што... известно баба до всего ей бажицца... Натрепалась.

Серега хохочет и машет рукой:

— Ерунда на постном масле.

— Я священно вдоль и поперек, а скоро и комуническо писанье изучу...

Под—окном проходит бравый красном, хорошо одетый, с ремнями, приехавший в отпуск.

Дочь—разбитная девка Дарька шмыг на улицу и там с крыльца слышен уж ее ласковый, заискивающий голос:

— Прогуливаетесь, Иван Митрич?

Дядя Терентий ей вслед зыкнул:

— Дарья, назад... Чего на парня виснешь?.. Ишь пристает, цепится... Мать, накажи ей, чего бы небыло, нарвется, долго-ли...

Гость продолжает смеющемуся Сереге:

— Летом, конечно, молиться некогда, а зимой от скуки так и тянет. Помолишься, ровно помелеешь с кем.

По деревне идут уже налокавшиеся ребята. Лезут где грязнее, где хуже. Виснет в сыром холодном воздухе матерщина, хриплые звуки гармоники прилепляются к теплым домам и дальше не идут. Проходивший поперек улицы дядя Алексей с ведром воды вскрикивает воем и корчится—ему пьяный парень залепил пнем в спину. Дядя Алексей потрясает в воздухе огромным кулаком и долго ругается. Орава, вместе с орущей неистово гармошонкой, отвечает:

— Ых, найди туча, найди гро-ом.
Разнеси Олешкин до-о-ом.

Ругают всех подвернувшихся на глаза, кидают палками в присевших у ворот куриц, которые с кудахтаньем разлетаются, кричат в потные оконца:

— Тайка, выходи, што-ли...

К окну дяди Терентия подходит мужик с большим графином и стаканом:

— Сусед... Терентий, давай погорчимся.

— Залазай в избу.

К ним присоединяется шурин—распивают:

— Серег, выпей!

— Не буду, стошнит.

— Он не пьет... видишь и с ребятами не прохаживацца... На книжки его позывает. Гляди, шурин, Дарьтя уж подстрелила командера-та—вместе идут. Мать, ты ей накажи. Мотряй.

В полдень выходят гулять на улицу девки, бабы и мужики всех сортов; пьяные, подвыпившие и трезвые. Бегущие во всю прыть по деревне мальчишки визжат:

— В училище шефа приехала... С музыкой... у-у-ух.

Все гуляющие двигаются туда. Подвыпившие колесят по грязной улице, а пьяные для удобства опускаются на четвереньки в холодную, густую грязь и двигаются; а некоторые из них кричат:

— Сват, погоди вместе пойдем.

Мих. Шошин.

Пасхальная картинка.

Дрожат над грязью уличной
Веселые лучи,
Стоят в окошке булочной
Крутые куличи.

Горят на яйцах литеры:
«Х. В., Х. В., Х. В.»
Пузатые пресвитеры
Стригут своих овец.

Сырая протопопица
Ликует над деньгой:
Деньга течет и копится
В мошне ее тугой.

Повсюду пробки хлопают.
А вон по лону луж
В участок прямо шлепает
Какой-то пьяный муж.

И пляшут звоны медные
Бом-бум... блям-блям... тинь-тень...
Терзая уши бедные
Весь долгий вешний день!

Поэт-попоед.

Проводник мягкого вагона.

Сквозь густой дым, висящий в «кондукторке», слабо пробивает свет маленькой электрической лампочки.

Проводник мягкого вагона Тифлис-Москва Игнатий Корольков пьет чай.

Рядом с Корольковым сидит молодой парень, только что поступивший младшим проводником.

Корольков именует себя «старшим техническим осмотрщиком», говорит веско, и вообще, преисполнен чувства собственного достоинства.

— Проводник, брат, — поучает собеседника Корольков,—это тебе не то, что какой чернопупый смазчик или лягаш-кондуктор. Не-ет, проводник настоящий свое дело насквозь превзойти должен. Что к чему, значит, происходит и как какого пассажира понимать требуется. На одно наше жалованье разве проживешь? А если как следует пассажира прощупать — лафа. Обязательно контрибуции настрижешь.

— Как же узнать, дяденька? — спрашивает младший проводник с глубочим уважением к образованности старшего.

— Очень просто. Наблюдение в себе иметь требуется. Пассажир разный бывает. Каждого, стало быть, надо на свою точку поставить. Вот, к примеру, у нас в первом купэ едет. Худой такой из себя, с прозеленью и потлатый. По корридору бочком ходит и к тебе с полным уважением: «Будьте любезны, товарищ проводник, открыть уборную». Это пассажир никудышный. Партейный. От его пользы, что от козла молока. На чай не дает. Я как то одному заикнулся, а он мне: «Ах, что вы, товарищ, как вам не стыдно. Чаевые — пережиток капиталистического рабства». Ну их совсем... Во втором купэ спекулянты сидят. С этими политику вести надо. «Не надоли чего припрятать»? А если разговаривать начнут — попугать пользительно. На этом, мол, перегоне, граждании, кражи часто бывают, так милиция-то, того, обыскивает тогда пассажиров. Ну, иногда и принесет чего припрятать. А, вопче, за ними поглядывай. Потому, при высадке в одное секунд слизнется и на чай ни копья не даст. Подлый народишка. Спикулянт! В третьем дама с собачкой едет. Двадцать раз, на день терзать будет. То воды ей достань, то холодно, то жарко, то собачка нагадила. И на чай наровит дать мильярд, а то и меньше. Вот в четвертом,—оживился Корольков, — настоящая публика. Люблю таких. Не иначе, как ответственные спеца. Из ресторана не вылазят. И пол у них весь бутылками заставлен. Таких; паря, увидишь—не зевай. Замри. Так возле них все время и кобелируй. В ресторан идет — сейчас ему двери настежь. «Пожалуйте, мол, господин гражданин». Товарищем—боже сохрани назвать. Рассердится. Вечером иногда в купэ зовут. «Нет-ли тут у тебя, проводник, в вагоне чего нибудь такого, понимаешь, насчет дамского продовольствия». Ну, конечно, сейчас им: «Хе-хе-хе-с. Можно, мол, поискать». Звукоподражание тоже обожают некоторые. На манер, скажем, кочета или собакй изобразить. Обязательно угостят и на чай отсыплют сумму подходящую. Порядочные граждане. Очень для нас, проводников, полезный алимент.

Корольков кончает чай, крутит массивную козью ножку и протягивает кисет младшему.

Б. Г.

Бытовое явление.

(Быль).

Дела у дьякона плохи: семья большая, а доход плохой: «дураков мало», — думает.

Три дочки — невесты, каждой по шляпке надо:

— Эва, какая сумма! М-да! Жена донимает, всю душу вытянула:

— С голоду помрем отец Алексей...

Все уши прожужжала - жужжалка, хоть рясу снимай. Топиться впору! Взвыл дьякон истошно: «лето бы скорей!» — «Летом легче: червь на поле — молебен, окромя всего прочего роды и смерти... Доход во какой»!

В это лето Фоминишна должна представиться... лежит все... Илья мужик богатый, за панихиду взять можно будет... дядя Силантий туда-же смотрит. Еремеевна тож...

Отец Алексей радостно сияет. А дьякониха из кухни опять свое:

— Шляпку надо... ротонду... яиц мало на пасху,—ноет свое дьякониха.

— Мать, дай очухаться... голова кругом... взмолился отец Алексей. Куда там!

— Наплодили вишь сколько, теперь и скули с ними...

Дьякон горестно сник. Снял с полки пыльное евангелие, открыл наугад и прочел: «Будьте, яко птицы небесные»...

Еще нуднее заныла жена:— шляпку... ротонду... яиц...

— Жисть!..— взвыл о. Алексей хватаясь за голову. Пробкой на улицу вылетел.

II.

Долго ходил по церковному кладбищу отец Алексей. Думал. Думал и вспоминал:

— «Вот под тем крестом Силантий Петрович Первухин, купец был... под

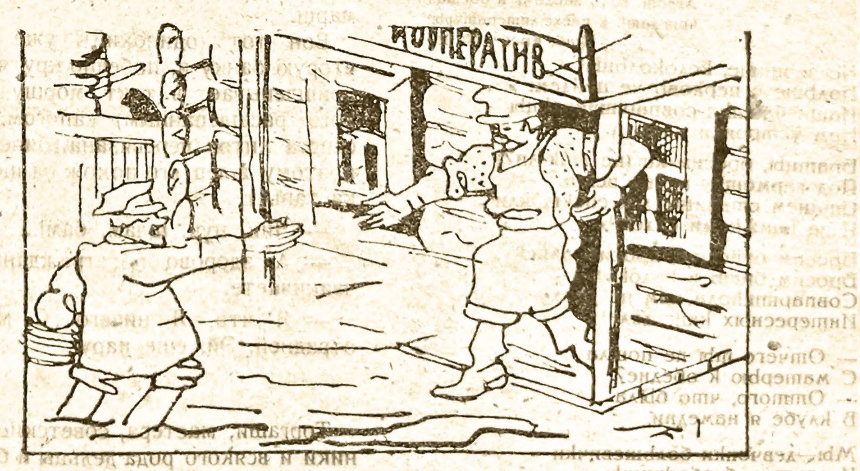
Отрыжка старого быта.

«На Середской объединенной М-ре труппа хулиганов не дает прохода женщинам и девушкам: кого ущипнут, кого толкнут, кого по матушке покроют».
(Из рабкоровского сообщения).

Не стыдно-ли ребятам
Глумиться над своим братом?
С хулиганством да с матом
Далеко не уйдешь,
В лучшем случае в «Веселый Ткач»
попадешь,
А в худшем...
Но нет,
Дам-ка лучше совет
Заблудшим:
Бросьте ребятишки,
Ругаться «по матушке»
Ведь, это—отрыжка
Темного, пошлого
Прошлого
Которому еще шесть лет назад
пришла крышка.
Кто не глуп,
Вон—старорежимную отрыжку!
Все—в рабочий клуб!
Все—за хорошую книжку!

Семен Овский.

Лужа раз'единила.

Потребитель. Ты бы, друг—кооператор, хоть лодку завел, ежели тебе лень лужу осушить перед лавкой.

эфтим Ван Ваныч Варганчиков... мельник... под эфтим Тит...

Хороший то год был: много народу мерло, и народ богатый... Умрет какая нибудь ошметина и взять нечего!..».

Мысли текли в на настоящее:

— «Большевики эфти... народ мутят... безбожников сколько... беда!».

Молнией дьячихин голосок в уме:

— «шляпку... ротонду... яиц»...

Зло сплюнул... Решил.

III.

Хрипнул надтреснутый колокол. Проплыли старушонки в церковь. Гнусаво тявкнул о. Алексей.

— Во-онмем...

На манер «ох вы сени мои, сени» полыхают голосами певчие...

О. Алексей сам не свой. Пять раз службу путал: речь в уме варилась... Под конец службы сказал вкрадчиво:

— Православные! Так, как дочки-то у меня взрослые, а без местов: большевики на биржу не примают... то-ись записываться принуждают в... как ее... Ры-Кы-Пы то эфту... а они не хотят, дочки-то мои... Праславные; помогите! без хлеба сидим!..

Чешут старики в затылках:

— Притесняют... Мда! Надо помочь...

— Надо помочь...

— По-о-мочь!..

— Приходите о. Ляксей... как лучше: продуктами, аль деньгой?

— Мне все равно... Очечно, заранее, благодарю,—сказал о. Алексей и глаза его сверкнули мадерой...

Рабочий заржал:

— Чудаки... в Ленинский призыв и... поповн... хо-хо-хо... выдумают!

Но сия притча не выдумка:

Сие было в Богословской церкви, Дюпихской вол., Кинешемского уезда, с дьяконом оной Ляксеем Троицким.

Ве-Ке.

Частушки о смычке.

„Курсанты Губсовпартшколы оборудовали в деревне Калянова, Авдот. вол., нардом, и обещали прислать к пасхе литературы".
„Раб. Край", № 92.

Не звоните, колокольцы!
Больше в церковь не пойдем:
Наши братья-совпартшкольцы
Нам устроили нардом.

Братцы, бросим-ка (не так-ли?)
Под гармошку песни петь.
Станем ставить мы спектакли
И за книжками сидеть.

Бросим буйство, бросим пляску,
Бросим бить в колокола,—
Совпартшкола нам на пасху
Интересных книг дала!

— Отчего ты не пошла
С матерью к обедне?
— Оттого, что была
В клубе я намедни.

Мы—девчонки-большевички
И притом безбожницы.
Мы слыхали и о смычке,
Знаем и про „ножницы".

Молодцы—губсовпартшкольцы,
Что устроили нардом!
Не звоните, колокольцы,—
В Пасху в церковь не пойдем.

А. Троицкий.

Обычное недоразумение.

Портрет:—А какое отношение пивная имеет к ликвидации неграмотности? Раз'ясните пожалуйста!

Судороги старого быта.

Пивная, как пивная. В зальце столики—для двух.

Среди—длинный, составной из трех столов, накрытый общей белопакостной скатертью. За этим столом никто никогда не пьет; стоит он для декорации. На нем тропическая флора: похожие на купырь, фикусы; они медленно, но верно умирают в чахотке, отравленные спиртными парами и табачным фимиамом. Под тень сего чахлого оазиса покоится затрепанный до дыр «Огонек» за ноябрь 23 года.

Оркестр (гармонь и скрипка) валяет марш.

Вон тот (одинокий) уже выжал вторую банку и, победно крутя носом, пришлепывает в такт моршу (и без того расшлепанным) сапогом. Пасть сапога хитро перевязана бичевочкой, поэтому шлеп его похож на щелканье кастаньет.

— Чик, пук, шлам, бам!..

— А здорово вы, гражданин, отчвакиваете.

— Я что. Я ничего. С музыкой отрадней. Эй, еще пару!..

* * *

Торгаши, мастера, советские чиновники и всякого рода дельцы и бездельники прут в этот райский вертеп разделить свою жуткую тоску с бутылью. Чтобы хот на час замутить свой разум (или совесть) радугой несбыточного полета в несуществующее.

А оркестр (гармонь и скрипка) пилит заплеванный воздух, жжет без устали и согревает пиво:

— Гранда, брында, ой-ра, ой-ра!

— Трында брында ой-ра-ра!..

* * *

Ах, какая зависть! У тех, трех, что грибным гнездом сплотились у окна, на столе не пара и не две, а целый нефтяной промысел растет: стол с горохом не стол, а город Баку; за Баку лес нефтяных вышек, громоздится, словно «Нобель» бывший. Все трое всяк сам себе Нобель.

— Эй, еще пару!

Нефтяной городок размножается. И когда на столе нет свободного вершка, городок разростается на окне.

— Товарищи, позвольте вас оставить на минутку.

— Только деньги оставь. А то попадешь в выходную дверь. Ищи тебя потом...

* * *

— Не желаете?

От стола к столу, от петуха к петуху бродит фигура в серой трепанной шинели--продавец лепных искусств. В корзине его, рядом с Марксом мирно уживается лев с Дианой.

— Не пожелаете?

— Желал бы, да из глины она. Мне живую подай, с соком.

А у гостя, который пожелал живую Диану, глаза, как горох моченый. В них тупая тоска.

— Эй пару.

***

Под рев оркестра (гармонь и скрипка), под канонаду пробок заброшенные в вертеп фикусы тоскуют и чахнут о чем то солнечном, недостижимом. Тоскуют и эти пьяные люди. Иначе, зачем бы они пришли?

— Чему подобен пьяница? Ну?

— Ничему. Нет нам с тобой никакого подобия.

— Врешь. Пьющий подобен человеку, увязшему в болоте... Увяз он поколено, хочет выбраться, барахтается и вязнет по пояс... А потом его такое паскудство одолевает, что вязнет он по уши. А руки ему подать никому не охота...

— Эх Миша, Миша. Не философь.

— Друг, мы тебя вытянем. Эй, еще парочку!...

С. Погорельский.

Переход через Ямы и Рылиху в весеннее время

Рабкор.

Надо сказать в газете ему,
Что сейчас, а не то, что „скоро вот".
Ненавистна рабкору дряблость
и хмурость,
Дрожь не дело рабкорово.
Знает рабкор: это он
Быт прет из грязи.
Будни в веселый тон
Это он красит.
Видит в газетине друга,
С другом дает бой.
Что получает? Ругань,
Плевки, побои.
Бьют... Лежит в околотке.
„Темнота...
К ним не будешь строг".

———

Это он орет глоткой
Газетных строк!

В. К.

Гостеприимное хозяйство.

Послушайте, гражданин! У вас корова на дворе есть? А сена много? Мало? Тогда приводите свою корову на конный двор нашей фабрики «Рабочий Край». Завснаб Жучков вывесил там об'явление:

В месячный срок предлагаю убрать скотину с конного двора.

Прямо беда и хлопоты завснабу Жучкову. Скотина читать не умеет и со всей округи коровы с козами неутомимо кушают фабричное сено. А скотьим хозяевам гора с плеч. До выгона меньше месяца, а в течение месяца завснаб Жучков разрешил кормиться гостям нашим сеном.

Просим милости, граждане, пожаловать к нам на хорошую охапку сена.

К. Б.

Видит око, да зуб неймет.

Что называется пасхой.

Ведра выпитого пива,
Шелуха от колбасы,
Скорлупа цветных яичек
И лиловые носы...

Полусонный обыватель
Записался в звонари
И торчит на колокольне
От зари и до зари.

А сегодня я заметил,
Кяк на паперти тайком
Похристосовался нэпман
С пьяненьким меньшевиком.

С. Овский.

***

Снова сердце тоска занозила—
И не песня, а крик у души
Золотая певчая сила,
Разменял я тебя на гроши!
Каждый вечер ловит пивная
Липким ртом фабричный народ.
Волокут проститутку, пиная
Сапогами в лицо и живот.
Наги ноги, до пояса—юбка,
Хлещет улицу пьяный мат,
Это значит: еще приступка
Вниз по лестнице в грязный разврат!
Горько видеть цветок увядший,
Но еще тяжелей увидать
Опозоренной, жалкой, падшей
Радость жизни, женщину—мать.
Горько видеть, когда незабудку
Бросят в грязь, но больней стократ,
Если уличную проститутку
Засасывает разврат

Дм. Семеновский.

КРАСНЫЙ ЗВОН

ПОП.—Колокола рабочие сняли, а веревки оставили. Значит, давиться пора.

Осе.— Можно ли мне писать? — вопрошает **Оса.** — И сколько могу, примерно, в месяц заработать я своим писаньем? До войны я подвизался во многих столичных журналах.

Пожалуйста, **Оса**, пишите, подвизайтесь, зарабатывайте на здоровье, только не обирайте больше И. Горбунова, которому принадлежит переписанное вами Нехорошо.

Здесь, Норту.—Второй присыл плох.

Кооператору из деревни. – Во-первых, слабо. Во-вторых, клевещете на кооперацию, в которой - видно — ничего не смыслите.

Комсомольцу веселому. — Совсем невесело и безграмотно...

Н. Кимаю. — Что замолчали? Присылайте.

Поэту с Рылихи —Напечатаем.

Наблюдателю. — «Вытянув голову, я смотрел жадно на своего бухгалтера.»

Резиновая, что ли, у вас голова, раз вы ухитряетесь ее вытягивать? Сообщите.

Ваньке Встаньке. — Пришлите копию об'явления вашего директора, тогда используем.

Кинешемскому жителю.—«Клюнуло» возьмем. Прочее — слабо.

Шуя, старому подписчику.—Передали в контору.

В пространство критику. — Плохо, критик, бросьте бумагу терзать.

Перочинову. — Не надо, товарищ, из пальца высасывать темы. Плохое кушанье палец. Все выдумано, вымучено, высижено на стуле. А талант есть. Присылайте еще.

Кролиководу. — Ничего не смыслим в кроличьих делах. Отдали в газету.

Рабочему. -- Списано с чужого. Подсидели нашу доверчивость.

Глазастому рабкору.—Отлично, еще ждем.

Ф. Синюшкову: -У. Ф. Синюшкина

„Кружится голова и день, и ночь,
„И мыслить мне теперь не в мочь,
„Простора сердцу, света, шири,
„Снимите с сердца гнета гири!"

Гот что, Ф. Синюшкин, попробуйте огуречный разсол по утрам пить.

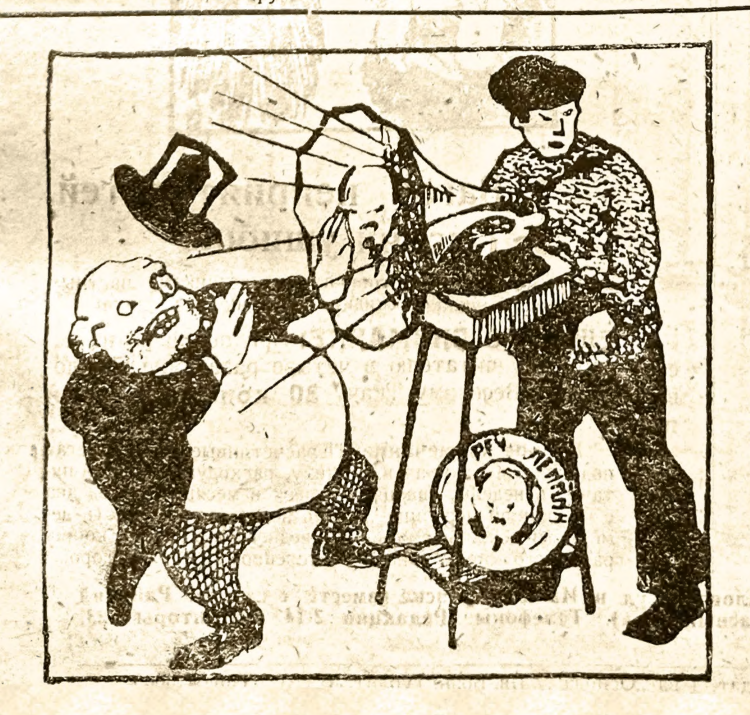
Шуя. Жучкову.—Чудак человек. „Можно ли приехать к вам с разным материалом для Веселого Ткача?"

Конечно, можно. Только за свой счет.

С. Яковлевское. Дм. Мозжухину. — —„Против ветра" напечатаем в четвертом номере „Красного Ткача". Для „Вес. Ткача" не подходит. Но хорошо.

Казань. Арго. —„Фамилию настоящую храните в тайне. Гонорар вышлите по указанному адресу. Могу быть постоянным сотрудником.

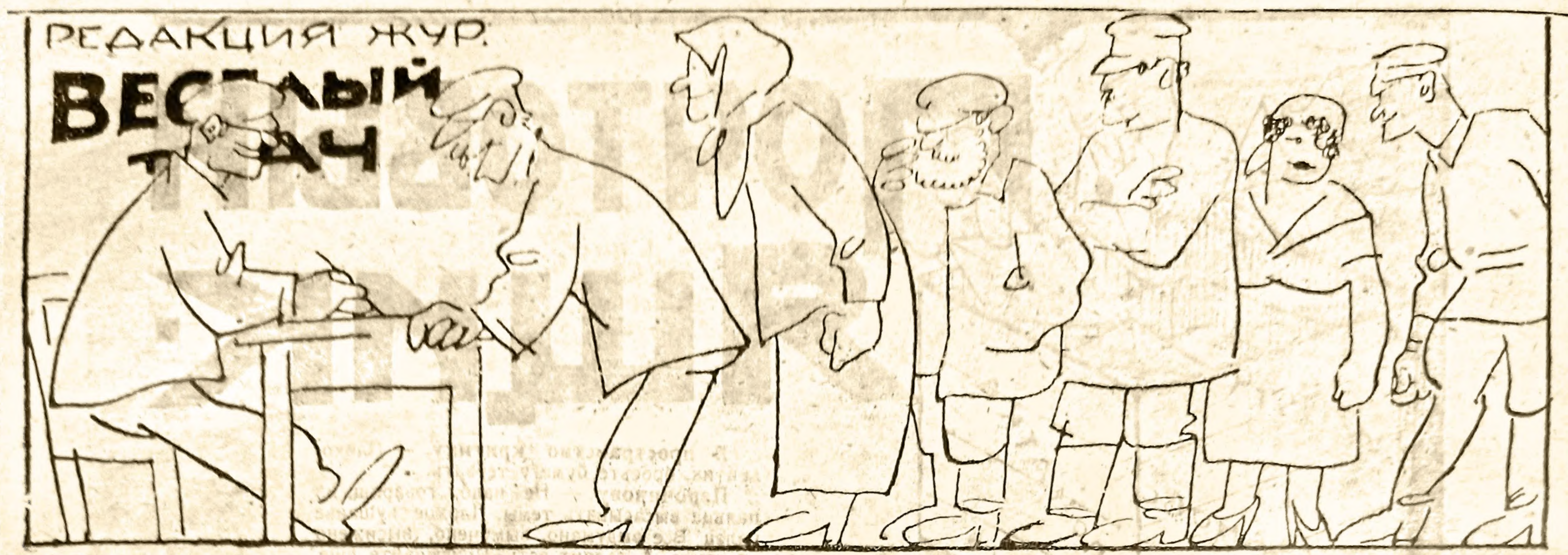
Согласны: фамилия в тайне, стихи в печку.

ПАСХА.

Колоколов встревоженные губы
Целуют звонами накрывы деревень
И плотник день стучит в цветные срубы
Надвинув солнце шапкой на бекрень.
На звончатых оконцах занавески
Узором вышитым приветливо цветут,
Вызванивают гулом перелески,
В полях певучий, неуемный гуд.
Даже Тихоныч томится на завалинке
И цветам и солнцу и весне дивуется,
Просят каши разузоренные валянки
И глядит, не видит ряженую улицу
Нынче девки закрутили с комсомольцами,
Танька вляпалась в советчика Андроника
И смеются заливными колокольцами
Ребятишки на обветрянных гуменниках.
В лубках березовых расписанные яйца
Катают весело нарядливые девки,
А день горячий солнцем улыбается
Ликиют буйные, весенние запевки
— Ах ты бог, ты наш бог,
Что ты ботаешь?
Ты на небе сидишь, не работаешь?

Серафим Огурцов.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Неунывающий

Ехидный

Хозрасчетливый

(но недорогой).

ТОЛЬКО ЗА 7 КОПЕЕК.

И без всяких упылок, утечек, усушек, калькуляций и прочих коммерческих вывертов

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ.

В изящной упаковке из отличной бумаги с каррикатурами, шаржами, зарисовками

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО БУДЕТ ОТПУСКАТЬ НА СТО ЧЕРВОНЦЕВ СМЕХА. БОДРОГО, ЗДОРОВОГО.

ВНИМАНИЕ! Мещанам, совдуракам, пьяницам, бездельникам, торгашам, попам, казнокрадам, меньшевикам, эсерам, плохим хозяйственникам, спекулянтам и остальной болотной мошкаре

Бесплатная премия:

1. Вагон неприятностей.
2. Тысячи ушибов.

Примечание: Оптовикам, посредникам, частным хозяйчикам никакой скидки, рассрочки и кредита

ЕЩЕ РАЗ ВНИМАНИЕ! При подписке на месяц—рабочему читателю в четыре раза больше удовольствия, а Веселому Ткачу **30 коп. подписной платы.**

Второе примечание: Нерасчетливые люди, избегая подписки, а покупая в розницу, расходуют лишний пятачок в неделю, двадцать копеек в месяц, а в год два с половиной червонца, сиречь золотую наличность демократической Германии и ежедневную выручку кооперативного магаз. в нашем засоренном семячками городе.

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ квартирует на Михайловской ул. в Ив.-Вознесенске (вместе с газетой Рабочий Край и журналом Красный Ткач). Телефоны: Редакции 2-14 и Конторы 3-23.

Типо-литография „КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ“ Книгоиздат. Т-ва „Основа“. Ив.-Возн. Гублит № 664. Тираж 3000.